Келли Парсек

РЕЗОНАНС

Эхо в бетоне

Келли Парсек
Резонанс. Эхо в бетоне

https://litres.ru/74720467
SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Ветрова три года не может спать: в её голове звучит гость — тринадцать нот, которые просыпаются каждое утро в 04:04. Когда она получает анонимное приглашение в горный отель «Монолит» — бетонный лабиринт, встроенный в скалу, где полгода длится зима, — она думает, что едет лечить слух. Но отель не лечит. Он слушает. И то, что он слышит в ней, ему нужно.

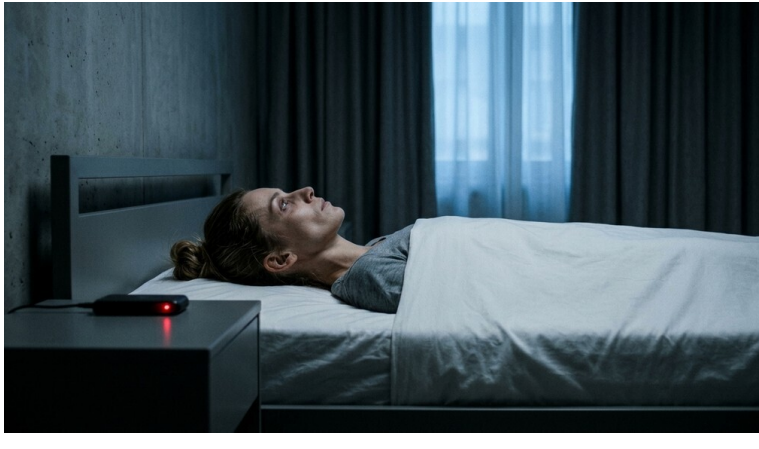
В коридорах, которые длиннее, чем должны быть, в комнатах, запертых изнутри, в стенах, которые дышат, Алина находит правду о муже, о его смерти и о замке, который он оставил у неё в ухе, чтобы защитить от того, что живёт в бетоне. Но самый страшный враг — не здание. Это тишина, которую оно предлагает. Тишина, в которой нет боли, нет вины, нет памяти. Тишина, которая звучит как покой — и стоит целой жизни.

Содержание

Глава 1. Тринадцать нот 4
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Келли Парсек
Резонанс. Эхо в бетоне

Глава 1. Тринадцать нот

Она проснулась в 04:04.

Не от звука. Звук не приходил — он никогда не уходил. Проснулась от того, что глаза уже были открыты, а потолок уже был серым, и в ушах уже было оно.

Тиннитус. Врачи называли это субъективным шумом,

повреждением слухового нерва, психосоматикой на фоне ПТСР. Алина называла это гостем.

Гость жил в ней три года, одиннадцать месяцев и четырнадцать дней. С тех пор, как Илья перестал дышать в той комнате, где она стояла в коридоре и слушала, как он замолкает. Врачи сказали — остановка сердца. Сердце не останавливается. Оно выключается. Как колонка, у которой выдернули шнур.

Сесть. Простыня холодная, натянутая, как мембрана барабана. Гость начал своё.

Сначала — высокий писк на границе слышимого. Фон. Белый шум, к которому она привыкла, как к шуму холодильника в пустой квартире. Потом, через тридцать секунд, вторая частота — ниже, плотнее. Ложилась на первую, как масло на воду.

Считать. Она делала это каждое утро. Не потому что верила, что поможет. Потому что если не считать, гость начнёт петь.

Раз. Тонкая, стеклянная, как край бокала, по которому ударили ногтем. *Два.* Ниже, с металлическим оттенком. *Три.* С хрипотцой, как голос человека, который долго молчал.

Пальцы правой руки постукивали по простыне. Хлопок — глухой, короткий. Шёлк — долгий, шипящий. Бетон — низкий, гулкий, бесконечный.

Четыре. Пять. Шесть.

Ноты складывались. Не в мелодию — мелодия предпола-

гала бы автора. Скорее в воспоминание звука, словно кто-то проиграл фразу задом наперёд, и она пыталась угадать, что было сказано.

Семь. Восемь. Девять.

Глаза открыты. В комнате темно, только красный светодиод на зарядке телефона горит, как глаз. Она знала эти ноты. Слышала их три года, каждый день, в 04:04, когда гость просыпался вместе с ней. Но не могла вспомнить, откуда они. Не из головы. Не из квартиры. Не из больницы, где ей сказали, что Илья мёртв.

Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

Задержать дыхание.

Тринадцать.

Последняя нота всегда была длиннее остальных. Не заканчивалась — обрывалась, словно кто-то положил палец на струну. И в этой тишине, на долю секунды, ей всегда казалось, что она слышит начало. Первую ноту, которая должна была прийти следующей, чтобы замкнуть круг.

Круга не было. Была лестница, которая вела вниз, в темноту, и не имела первой ступени.

Встать. Пол холодный, дерево — не паркет, она стелила его сама три месяца назад, когда поняла, что не может спать на ламинате. Ламинат шуршит. Она не могла больше выносить шуршания.

На кухне — жёлтый свет, тёплый, включённый специально, чтобы отогнать серый бетон утра. Наушники с актив-

ным шумоподавлением, тяжёлые, как шлем водолаза. Нажать кнопку.

Тишина.

Не настоящая. Настоящей тишины не существовало — она знала это лучше, чем кто-либо. Искусственная, шумоподавление, которое гасило внешние звуки, но не могло коснуться того, что было внутри. Гость остался. Но хотя бы мир снаружи перестал давить.

Чайник — старый, со свистком. Электрические она не любила: они начинали работать слишком тихо, и она не слышала, когда вода закипает. Ей нужно было слышать. Ей нужно было знать, что мир вокруг производит звуки, которые она может контролировать.

Свисток начался с низкого гудения. Слушать, как он поднимается, нота за нотой, как гость в её голове, только наоборот — снаружи внутрь. Закрыть глаза. На секунду представить, что это не чайник. Что это кто-то поёт. Женский голос. Фальшивый. На полтона ниже, чем должен быть.

Глаза открылись резко.

Откуда она это знала?

И тут же — другое. Не звук. Не голос. Картинка. Зимняя, резкая, как удар. Лёд на реке, серый, с трещинами. Рука в варежке. Маленькая. Детская. И чувство — не страх, не холод, а что-то другое. Тяжесть в ладони. Словно она что-то толкнула. И оно упало.

Она зажмурилась. Открыла глаза. Картинка исчезла.

Остался только чайник, свистящий на огне, и гость в её голове, который отсчитывал ноты.

Она не стала вспоминать, что это было. Не могла. Не хотела. Налила воду в кружку. Лимон разъедал язык. Это было реально.

Работала она из дома. Точнее, из звукоизолированной комнаты, которую называла капсулой. Стены — десять сантиметров минваты, обшитые дерматином. Пол — плавающий, на виброразвязках. Дверь — как в студии звукозаписи, с резиновым уплотнителем. Когда она закрывала дверь, мир исчезал.

Сесть за пульт. Включить мониторы. На экране — спектрограмма вчерашней записи. Она записывала всё. Не себя — квартиру. Микрофоны были расставлены по углам, в вентиляции, под полом. Она записывала дом, в котором жила, потому что не могла больше доверять тому, что слышит без аппаратуры.

Прокрутить запись на 04:04.

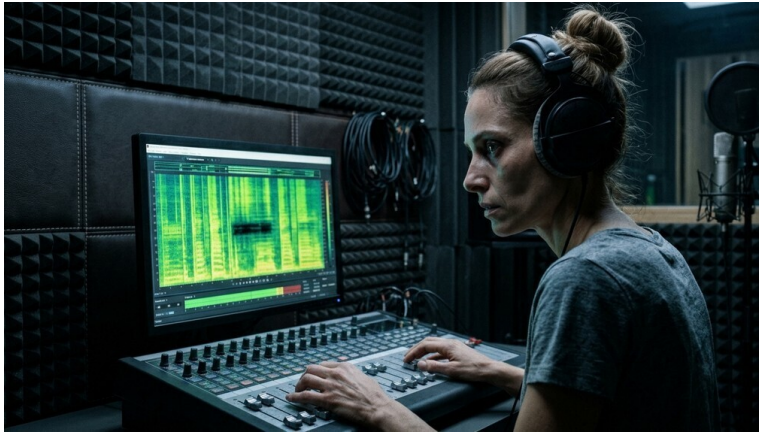
Спектрограмма ожила. Зелёные и жёлтые полосы, частоты, которые она знала наизусть. 14 000. 8 000. 4 000. Тринадцать нот. Выделить их маркером, как каждое утро.

И замереть.

Спектрограмма была обычной. Но что-то в ней было не так. Приблизить. Ещё.

На третьей ноте, в самом начале, была тень. Не эхо. Не

отражение. Тень — словно рядом с основной частотой была ещё одна, очень тихая, почти на грани шума. Шла в противофазе. Словно кто-то пытался отменить эту ноту.

Надеть наушники. Усилить сигнал. Закрыть глаза.

Тень стала слышна.

Не шум. Голос. Очень тихий, искажённый, словно кто-то говорил сквозь воду. Слов не разобрать. Но интонацию — можно.

Женщина. Усталая. Ласковая. Говорящая что-то, что звучало как утешение.

Она слушала, и что-то внутри сжималось. Не от страха. От узнавания. Словно она уже слышала этот голос. Давно. В

другой жизни. В той, где был лёд на реке и маленькая рука в варежке.

Снять наушники. Руки дрожали.

Это не голос. Это тень. Это искажение. Это мозг, который заполняет пробелы. Это травма.

Но она знала, что на спектрограмме — реальный звук. Не галлюцинация. Не шум в голове. Микрофон записал его. Он был в воздухе. В её квартире. В 04:04 утра.

Кто-то говорил с ней. Сквозь её собственный звон в ушах.

Письмо пришло в 09:17.

Не на почту — на защищённый сервер, к которому у неё был доступ только через аппаратный ключ. Этот сервер она арендовала три года. Склад для записей, которые не хотела держать дома. Тысячи часов звука. Голоса улиц, коридоров, комнат. Архив, который никто не мог взломать.

Этот адрес она не давала никому. Даже Лене, которой звонила, когда не могла спать. Даже врачу, который выписывал ей транквилизаторы и делал вид, что не замечает, как она прячет таблетки под язык.

Тема пустая. В теле — только цифра.

Посмотреть на цифры. Потом ещё раз. Потом встать и пойти на кухню, потому что нужно было увидеть что-то простое — чайник, кружку, лимон — чтобы понять, что она не спит.

Это был гонорар. За консультацию. Сумма, которой хва-

тило бы на год жизни. Или на побег. На то, чтобы уехать туда, где нет зимы, нет бетона, нет 04:04.

В конце письма — одна фраза.

«Ты единственная, кто слышит правильно».

И вложение. Файл. Три секунды звука.

Вернуться в капсулу. Закрыть дверь. Проверить, что шумоподавление включено. Подключить файл к монитору. Посмотреть на спектрограмму.

Она не была похожа ни на что, что она видела раньше.

Не частоты. Не шум. Геометрия. Звук складывался в узор, который она не могла назвать, но который узнала. Как узнают лицо человека, которого не видели десять лет, но помнишь каждую морщину.

Нажать «воспроизвести».

Три секунды.

Она плакала.

Не от боли. Не от горя. Так, как плачут, когда что-то возвращается. Словно она три года искала ключ, не зная, что потеряла его, и вдруг увидела на столе.

Почему плакала — не знала. Что услышала — не помнила. Но тело помнило. Слёзы текли, и она не могла их остановить, и это пугало её больше, чем сам звук.

Она не помнила, когда плакала последний раз. После похорон — нет. Там она не плакала. Там она стояла и смотрела, как опускают гроб, и думала о том, что нужно купить молоко, потому что в холодильнике пусто. Она не плакала тогда.

Не могла.

Теперь — могла. И это значило, что звук открыл что-то. Что-то, что было закрыто три года.

Стереть слёзы рукавом. Послушать ещё раз.

Три секунды. Плач.

Открыть письмо снова. Там был адрес. Координаты. Горы, перевал, место, где полгода зима. И имя — отель «Монолит».

Поискать в браузере. Сайт минималистичный, как всё, что она видела в этом деле. Бетон. Стекло. Тишина. Никаких фотографий гостей. Никаких отзывов. Только архитектура.

И одна фраза на главной странице:

«Мы слушаем».

Она закрыла ноутбук. Посмотрела на аппаратный ключ, который лежал на столе. Маленький, чёрный, с холодным металлическим блеском.

Кто-то взломал защищённый сервер. Кто-то знал, что она слышит. Кто-то знал, что она заплачет от трёх секунд звука.

Это было страшнее суммы. Страшнее координат. Страшнее отеля.

Это значило, что за ней наблюдали. И наблюдали давно.

Лена ответила на третьем гудке.

Лена была единственной, кто звонил ей каждый день. Не потому что была лучшей подругой — они не были лучшими подругами, они были свидетелями. Лена была в соседней

комнате, когда Илья замолкал. Лена слышала, как Алина бежала по коридору. Лена видела, как она вошла в комнату и остановилась.

Лена не спрашивала, почему она звонит в рабочее время.

— Я уезжаю, — сказала Алина.

— Куда?

— Не знаю. Надолго.

Пауза. Лена дышала в трубку, и Алина слышала, как она хочет спросить, но не спрашивает.

— Ты в порядке?

— Нет. Но это не важно.

— Алина…

— Лена. Если что. Если со мной что-то случится. Запомни одну вещь.

— Какую?

Закрыть глаза. Она знала, что скажет. Знала это с утра, с 04:04, когда гость пел ей тринадцать нот.

— Я не больная.

— Что?

— Если они скажут, что я больная. Если скажут, что я слышу то, чего нет. Если скажут, что я не в себе. Запомни: я не больная.

— Алина, о чём ты…

— Просто запомни. Пожалуйста.

Она положила трубку, не дожидаясь ответа.

Ехала шесть часов.

Последние два — без связи. Дорога шла вверх, серпантин, снег, деревья, которые становились ниже и реже, словно земля устала их держать.

Она не слушала радио. Не слушала музыку. Слушала дорогу. Шины по асфальту — ровный, низкий гул. Ветер в щелях окна — свист, который менял высоту, когда она поворачивала. Двигатель — ровная работа, которую она знала наизусть.

Она водила, потому что не могла доверить это никому. Не потому что не доверяла другим — потому что не могла выносить, когда кто-то другой производит звуки, которые она не контролирует.

Снег пошёл на пятом часе. Сначала — редкий, ленивый. Потом — густой, плотный, как стена. Дворники работали на максимальной скорости, и Алина слушала их ритм, как метроном.

Она не думала о том, что её ждёт. Думала о звуке. Три секунды. Что в них было? Не мелодия. Не голос. Что-то другое. Что-то, что она узнала телом, а не умом.

Думала о письме. *«Ты единственная, кто слышит правильно».*

Что значит «правильно»? Правильно — как? Кто решил, что есть правильное слышание?

Думала о сумме. Кто платит такие деньги за то, чтобы послушать звук? Кто платит такие деньги женщине, которая

три года не может спать, потому что в её голове поёт гость?

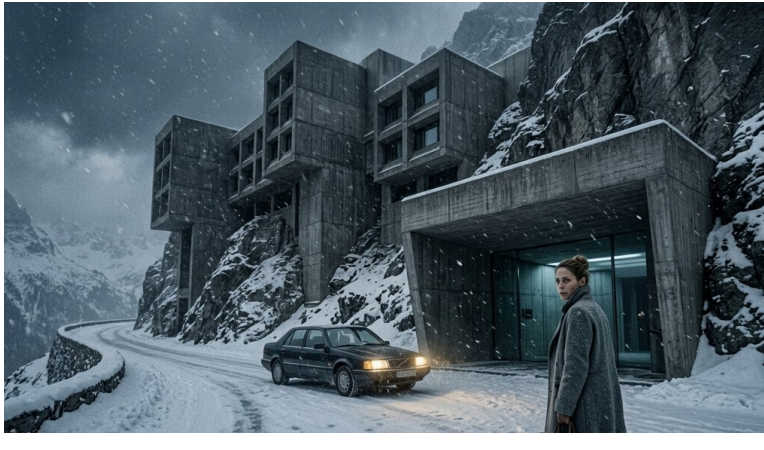
Думала о Лене. О том, что сказала ей. *«Я не больная»*.

Но она не была уверена.

Отель появился из снега внезапно, словно вырос из земли.

Тёмный. Не чёрный — тёмно-серый, как бетон, который не мыли годами. Стоял в скале, встроенный в неё, словно скала была телом, а отель — раной, которая затянулась.

Остановить машину. Заглушить двигатель.

Тишина.

Не настоящая. Снег падал — слышно, как ложится на крышу, мягкий, ватный. Ветер — слышно, как обтекает зда-

ние, меняя тон, как флейта. Но это была тишина без людей. Без машин. Без голосов.

Выйти.

Снег по щиколотку. Холода она не чувствовала — чувствовала звук. Бетон под ногами — низкий, глухой. Ветер в щелях здания — высокий, тонкий. Где-то далеко — гул, который она не могла определить. Не ветер. Не машина. Что-то внутри здания.

Подойти к двери.

Дверь тяжёлая, стеклянная, с матовым напылением. Открылась бесшумно, словно кто-то ждал её прихода.

Холл большой. Слишком большой. Потолок уходил вверх, в темноту, и она не могла разглядеть, где он заканчивается. Стены — бетон, без отделки, без картин, без декора. Пол — тёмный камень, полированный, как зеркало.

И тишина. Плотная. Давила на уши, как вода. Алина инстинктивно потянулась к наушникам, но остановилась.

— Алина Ветрова.

Голос мужской. Низкий, ровный, без эмоций. Обернуться.

За стойкой стоял мужчина. Высокий, худой, в чёрной водолазке. Лицо угловатое, бледное, словно он не видел солнца годами. Очки в тонкой металлической оправе. Он не смотрел ей в глаза. Смотрел мимо, на пространство за её спиной.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Мы ждали вас.

Подойти ближе.

— Вы меня знаете?

— Ваше имя было в списке.

— Какой список?

Он не ответил. Повернулся к книге регистрации, открыл её, провёл пальцем по странице.

— Вас нет в книге, — сказал он.

— Что?

— Вас нет в книге регистрации. Но вы здесь.

Посмотреть на книгу. Страницы пустые. Ни одной записи. Ни одного имени.

— Где все? — спросила она. — Где гости?

— Гости уехали, — сказал он. — Все, кроме вас.

— Но вы сказали, что ждали меня.

— Мы ждали. Но вас нет в списке.

Посмотреть на него. Он не смотрел на неё. Смотрел на стену за её спиной, словно там было что-то, что она не видела.

— Кто вы? — спросила она.

— Дэвид Кронин. Архитектор.

— Вы владелец?

— Я создал это место.

Он сказал это так, словно сказал «я родил это место». Холод прошёл по позвоночнику.

— Почему меня нет в списке? — спросила она.

Кронин повернулся к ней. Впервые. Посмотрел в глаза.

— Потому что вы уже были здесь.

— Что?

— Два дня назад. Вы оставили запись.

Он повернул книгу к ней.

На странице, на самой верхней, было имя.

Алина Ветрова.

И дата.

Два дня назад.

Посмотреть на почерк.

Это был её почерк. Её буквы. Её наклон. Её росчерк в конце.

Но она не была здесь. Не могла быть здесь. Была дома. В капсуле. Слушала звук. Плакала. Звонила Лене.

Она достала телефон. Открыла календарь. Два дня назад — среда. В среду она была дома. В среду она записывала квартиру. В среду она слушала тень на третьей ноте.

Но в календаре, на среде, стояла отметка. Её собственная. Её рукой. *«Монолит. Приезд. 14:00»*.

Она не ставила эту отметку. Она не могла её поставить. Но она стояла.

Пролистала назад. Неделя. Месяц. Год. Три года.

И на странице, датированной тремя годами ранее, — ещё одна отметка. Та же рука. Тот же адрес. *«Монолит. Приезд. 14:00»*.

Она смотрела на экран, и пальцы холодели. Три года назад она не была здесь. Три года назад она хоронила мужа. Три года назад она стояла у гроба и думала о молоке.

Но отметка стояла. Её рукой. Её буквами.

Пролистала дальше. Ещё год. Ещё. И на странице, датированной пятью годами ранее, — третья отметка. Та же рука. Тот же адрес. *«Монолит. Приезд. 14:00».*

Она смотрела на экран, и не понимала. Пять лет назад она не знала об этом месте. Пять лет назад она не слышала об отеле «Монолит». Пять лет назад она была счастлива.

Но отметка стояла.

Она подняла глаза на Кронина.

— Я не была здесь, — сказала она. — Ни три года назад. Ни пять. Я не была здесь никогда.

— Вы были, — сказал он. — Вы не помните. Это нормально. Вы не должны помнить. Но здание помнит. И вы помните. Где-то. Глубоко. Там, где не достаёт сознание.

— Я не была здесь, — повторила она.

— Вы были, — сказал он. — Вы оставили запись.

— Какую запись?

Он не ответил. Посмотрел на стену за её спиной.

— Она в вашей комнате, — сказал он. — 406.

Алина стояла. Снег таял на её плечах, капал на пол. Она слышала, как капли ударяются о камень. Ритмично. Ровно. Как метроном.

Она поняла, что боится.

Не его. Не отеля. Не пустых страниц.

Она боялась, что он прав.

Боялась, что она была здесь. Два дня назад. Три года назад. Пять лет назад. И не помнит этого.

Боялась, что гость в её голове — это не гость.

Это она.

Она пошла за ним по коридору.

Коридор был длинным. Слишком длинным. Шла, и казалось, что стены сужаются, словно коридор был горлом, и она шла внутрь.

Кронин шёл впереди. Бесшумно. Его шагов не было слышно — словно он не касался пола.

Она считала шаги. Раз, два, три. Считала, чтобы не думать. Чтобы не слушать. Чтобы не слышать, как здание дышит.

Она слышала.

Бетон дышал. Не ветер. Не трубы. Бетон. Вдыхал и выдыхал, медленно, как спящее животное.

Остановиться.

Кронин обернулся.

— Что-то не так?

— Вы слышите это?

— Что?

— Здание. Оно дышит.

Он посмотрел на неё. Впервые — с интересом.

— Вы слышите, — сказал он. — Интересно.

— Что интересно?

— Большинство не слышит.

Он повернулся и пошёл дальше.

Она стояла. Слышала, как здание дышит. Слышала, как её сердце бьётся в такт.

Пошла дальше.

Дошли до двери. 406.

Кронин открыл её.

— Ваша комната, — сказал он. — Запись на столе.

Она вошла.

Комната была обычной. Кровать, стол, окно. Но что-то было не так.

Она не могла понять, что.

Подойти к столу.

На столе лежал лист бумаги.

Взять его.

Это был её почерк. Её буквы.

Но она не писала этого.

Она прочитала.

«Носитель держится. Двенадцать нот осталось».

Она уронила лист.

Обернулась.

Кронина не было.

Дверь была закрыта.

Она стояла в комнате. Одна.

И впервые за три года она услышала, как гость в её голове замолкает.

Не исчезает. Замолкает. Словно он слушал.

Словно он ждал.

Она подошла к окну.

Снег падал. Тихо. Ровно.

И где-то далеко, в глубине здания, она услышала, как кто-то стучит.

Три коротких. Три длинных. Три коротких.

SOS.

Но стучали не из коридора.

Стучали из стены.

Конец первой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.